

Бучило¹

Детский рассказ

«Лини преимущественно держатся в стоячих водах с илистым или глинистым дном, на котором и лежат постоянно лениво, без действия. Насколько невзыскательны лини на качество воды показывает следующий случай, который рассказывает Ярель. При очистке старой помойной ямы, которая долгое время была наполнена нечистотами, когда подняли доски, нашли 400 больших откормленных линей, один из них был так защемлен между корнями, что не мог двигаться. Такое лишение свободы произошло, очевидно, уже очень давно, так как все его тело приобрело форму той небольшой полости, в которой могло разрастаться, именно: сильно утолщена была задняя часть, хвост в окружности имел 70 см, а длина всего тела 85 см. Весил этот откормленный урод около 6 кг. Рыбу эту осторожно вынули и пустили в пруд, где она вскоре совершенно освоилась...»

Брем. Жизнь животных

Славка

Еще прохладно, но скоро будет жарко. « Будэ спэка», - вспомнил Славка слова, услышанные в Донецком селе, в котором он когда-то гостил у своего школьного дружка Сережки Понедилка. А пыль всегда будет прохладной, даже в самую страшную спэку. Славка погрузил босую ногу в сбившуюся в дорожной колее пыль, похожую на серую муку мелкого помола. Нога ушла вглубь по щиколотку и почувствовала приятный холодок. Вдруг ожил репродуктор возле сельсовета и заиграл гимн. 6 часов. Славка заспешил к бучилу. Хорошо, что спешить недалёко: бучило сразу под горкой, на которой стоит Славкин дом. Но спешить надо, а то скоро люди начнут ходить и увидят, в каком месте стоит верша, и потом пиши «пропало». Так дед говорил: «пиши пропало». « Вот щас косить не научишься – потом пиши пропало», например. «Вот глаза спортишь, книжки

¹ Бучило - омут, водоворот. Глубокая яма с весенней водой. Здесь – небольшое озеро

читавши – потом пиши пропало». Где только надо это записывать, кому писать – дед не объяснял.

Разбудил Славку дядя Геня. Он, когда приезжал в деревню в отпуск из Семипалатинска, всегда это делал, и с большим удовольствием. Любил он это делать – будить Славку спозаранку (во, рифма), считая его тунеядцем и дармоедом, изнеженным городской жизнью.

Но Славка не роптал. Он любил это озерко, которое местные люди называли бучилом. Жизнь в нем была совсем не такой, как в соседнем озере или речках. Рыбы здесь были другие: похожие на ужей вьюны, которые пищали, и довольно громко, когда их поймашь на удочку (больше говорящих рыб Славка нигде не встречал). И главное сокровище – караси, совершенно золотые и совсем плоские. Славке нравилось думать, что такие водятся ещё только в Китае и Японии (если верить Брему и его «Жизни животных»).

И даже ракиты вокруг бучила были особенные: свои толстые старые стволы они наклонили к воде, будто стараясь скрыть её от глаз людей, а одна и вовсе стелилась над поверхностью, так что можно было пройти по дереву чуть ли не до середины и нырнуть оттуда или половить рыбу.

Вот под этой ракитой Славка ставил вершу. Конечно, можно было бы привязывать вершу к дереву, но тогда её могли бы украсть, и тогда – пиши пропало.

Не раздеваясь – то есть не снимая трусов – Славка соскользнул с ракиты и погрузился в воду почти по шею. Водомерки зигзагами разбежались прочь от его загорелого тела. Славка потрогал желтые кувшинки: они были упругие и гладкие, безо всяких изъянов, словно сделанные из пластмассы.

Но надо торопиться, а то пойдут люди по дороге и увидят, как Славка вытаскивает карасей, да ещё и много, а у них карасей нет, и дед считает, что это нехорошо. Может, даже пиши пропало.

Прежде, чем замутишь воду вытаскиванием верши, Славка всмотрелся в воду: солнечные лучи уже прорезали её под углом и высвечивали водоросли и плавающих между ними жириков – так называли здесь пескарей. Совсем маленьких называли «сепельдявками» и ловили – на корм кошкам – на хлеб безо всякого поплавка: и так хорошо было видно, как они клюют.

В бучиле им, а также вьюнам и карасям, было очень хорошо: хищники здесь не водились, не было ни щук, ни окуней, ни мёнухов². Собственно, Славка был едва не единственным, кто хоть как-то регулировал здесь рыбью популяцию.

Славка нащупал ногой бьющий на дне ключ и подержал на нем ногу, пока она не стала застывать от холода. Убрав ногу, он подцепил ею веревку, к которой была привязана верша, приподнял её и перехватил рукой.

Верша походила на бочонок с золотом. Через ивовые прутья просвечивали золотые монеты, пустившиеся в пляс. Славка побросал самых крупных карасей в бидон, помельче – отпустил. На развод, как сказал бы дед. Или на семя.

² Налим (местн.)

Дед до выхода на пенсию был ветеринаром. До семи лет Славка жил в деревне с дедушкой и бабушкой, пока родители обосновывались в Донецке. Зимними вечерами дед возвращался и недолго – до ужина – играл со Славкой в одну и ту же игру – «жеребчика». Жеребчиком был Славка: он бегал на четвереньках вокруг деда, ржал и брыкался. «Мария, - говорил дед бабушке, - пора коника кастрировать, а то ему только биграться, а до работы не будет охоч».

Бабушка начинала упрашивать деда не кастрировать коника: «Может, не надо, Филя, пусть ещё погуляет жеребчик!»

- Да не, вон как брыкается!

Дед приносил свои ветеринарные то ли ножницы, то ли клещи с длинными ручками, которые, возможно, совсем недавно употреблялись по назначению, и пытался поймать Славку. Тот ещё пуще брыкался, ржал и вставал на дыбы.

- Надоть стреножить его, а то зашибет ещё.

Бабушка хватала деда за руку, державшую страшные ножницы: «Подожди, Филя, а, может, на семя оставим?»

- Да начто на семя? А кто работать будет? – не унимался дед, пытаясь поймать Славку свободной рукой.

Дед все никак не мог поймать разрезившегося жеребчика и, устало вздыхая, наконец, говорил: «Ну, ладно, так и быть, оставим на семя».

Славка радостно ржал и кивал головой...

Дед уже запрягал лошадь. «Завтракай и поехали», - сказал он. Славка вздохнул. Кастрация его миновала, а вот крестьянского труда он не избежал. А ведь все было хорошо, вплоть до 7-го класса его работой не обременяли, потому как он болел ревматизмом суставов и четыре года его лечили в городе антибиотиками. В деревне его лечил дед: каждый день он приносил с пасеки две пчелы и сажал на Славкины щиколотки. Пчёлы кусали Славку, и их жала нельзя было вытаскивать из кожи 20 минут. На этом мучения заканчивались, и Славка весь день мог делать, что хотел: играл с другом Сашкой в индейцев, ловил рыбу, купался. Больше всего он любил лежать на диване и читать книжки. Сельсоветскую библиотеку он знал не хуже библиотекарши. Фенимора Купера, Джека Лондона, Арсеньева он перечитывал каждое лето: леса, прерии, следопыты, индейцы, первопроходцы, дикие звери захватывали его воображение. «Лесная газета» Бианки и «Жизнь животных» Брема были его настольными книгами. Деду было тяжело смириться с таким вопиющим простоем дешевой рабочей силы. «Что ты все книжки читаешь, только глаза портишь!» - нет-нет да и вырывалось у него. Он искренне хотел, чтобы Славка не напрягался попусту и скорее выздоровел, после чего зрение могло бы пригодиться для более полезного чтения, например, журнала «Пчеловодство».

Бабушку же никак не раздражало Славкино сибаритство: она только подносила «больному ребёнку» корцы³ то с клубникой, то с малиной, то со смородиной, то с крыжовником. Лишь бы внучок поправился.

³ Корёц (местн.) - ковш

И бабушкины старания, а также яд пчёл, отдававших свои жизни за Славкино здоровье, увенчались успехом. Славка избавился от своей болезни: у него больше не ныли суставы, его не лихорадило под вечер, пропала вялость.

Через одну минуту (как показалось Славке) после чудесного исцеления дед написал письмо в Донецк, в котором подробно описал петуха, которого он зарезал, с указанием живого веса. Из петуха был сварен суп, чтобы «внучок окреп здоровьем». И когда он суп съест, продолжал дед, то пусть он уезжает обратно в Донецк, потому как в деревне тунейдцы никому не нужны. Пусть ходит по квартирам своих друзей в городе «чужие бздюхи нюхать».

Ответ пришёл быстро. Он был неутешительным: родители давали отмашку на полную загрузку Славки посильным физическим трудом.

Все деревенские работы оказались посильными.

На пасеке было лучше всего. Пчелиная жизнь казалась Славке более налаженной, чем человеческая. Все старательно делали то, что было им положено – работали, сторожили или ничего не делали. Последнюю функцию выполняли трутни. Их личинки нужно было срезать с сотовых рам кривым длинным ножом. Делать это нужно было раз в неделю, чтобы трутни не успели вылупиться и не начали пожирать взятки⁴. Со стыдом Славка вспоминал, что и его дед раньше называл трутнем. Только он все же успел вылупиться и таки пожирал взятки. «Смотри, смотри, сколько намазывает, - говорил дядя Геня одновременно с негодованием и восхищением, глядя на то, как Славка готовил свой излюбленный бутерброд – чёрный хлеб с домашним коровьим маслом и прошлогодним засахарившимся мёдом.

Дед мёда не жалел. В августе часто заходили люди и просили: «Кириллыч, отлей мядку хоч бы пол-литра, на лечение», - протягивая литровую банку. Дед всегда давал. Жадничать он отучился ещё до войны.

Нос у деда был очень большой, мясистый и требовал специально изготовленной пчелиной маски – просторной и с проволочной сеткой. Но даже и в ней при работе нос тыкался в сетку, и пчела его жалила. «Тыщ твою мать», - произносил единственное своё ругательство дед. «Зато нос никогда не заболит ревматизмом, дедушка», - ехидничал Славка.

Пилить и колоть дрова – работа потяжелее. Но самым сложным делом для Славки была косьба. «Пяточку, пяточку прижимай» - поучал дед. Это он о косе. Пяточка – это там, где коса крепится к косовищу, и вот её нужно прижимать к земле, чтобы острие не втыкалась в землю. «И не пропускай, не пропускай!» Пропускать никак нельзя, а то, как шутят мужики, нескошенную траву косарю на яйца намотают.

Перед выходом Славка выхватил в сенях из ведра соленый огурец на дорогу, чтобы закусить им съеденный только что бутерброд с мёдом. Ехать надо было километров пять, через две лесные деревни. Первая называлась 1-я Болотня, а вторая – 2-я Болотня. Славка

⁴ Взятки (муж. род, ед. число) - собранный пчелами мед

думал, что для простоты можно было бы вообще все деревни назвать Болотнями и пронумеровать. Да и дело с концом, как говорил дед.

Ещё было прохладно, и конь бежал бодро. Впереди показались контуры леса, который занимал весь горизонт.

Покосы для колхозных пенсионеров выделяли в самом неудобье – на полянах в лесу. Заморишься косить, а потом трелевать⁵. Рядом косили ещё два старика: Линьков и Бычков. В обед все сходились вместе, разводили костёр, ели кто что принес, обычно поджаривали сало на прутиках с черным хлебом. Запивали молоком.

«Ну что, Кириллыч, как там Толя на Украине поживает?», - высоким гнусавым голосом спрашивал Линьков.

Это он про Славкиного отца.

- Нормально, работает.

- А жонка яго?

- Работает.

Дед не глядит в глаза Линькову, супит мохнатые брови и больше смотрит на костёр и сало.

- Аны ж у тебя интеллигенция. Толя инженер. Начальник какой?

- Не.

- Хорошо получает?

- Да не.

«Так да или не?», - подумал Славка.

- На почте говорят, посылки тебе каждый месяц.

- А, это малому книжки matka шлёт. Он читать любит.

- В батьку пошёл. А мы, Кириллыч, много не читали. Я разве газеты только читаю.

Линьков посмотрел на Бычкова, который в это время заворачивал в кусок газеты махорку. Бычков, когда не косил, всегда курил махорку. От этого его пальцы были коричневыми. Он всегда был мрачен: и когда курил, и когда косил. С дедом он иногда говорил, с Линьковым – никогда. Вечером он пойдёт мимо дедова дома низом по лугу на речку с несколькими самодельными удочками. Славке любопытно было посмотреть, с каким видом Бычков удит рыбу: с мрачным или нет. Но он всегда видел только его сутулую спину.

Дед много не читал, это точно. Четыре класса церковно-приходской школы. Что не помешало ему быть шпионом английской разведки. Раскрыл деда Линьков вместе с целой сетью агентов, которые орудовали в районе в начале 30-х годов. Бычков был тоже шпионом, но в составе другой группы. Линьков и его разоблачил: он всегда был на руководящей партийной работе и боролся с несознательным элементом. Дед же, по заданию Англии, открыто заявлял, что «в колхозе люди выеденного яйца не увидят».

Про то, как дед получил десять лет и строил Беломорканал, Славке рассказывал отец. Сам дед, отвечая на Славкины расспросы, сказал, что как только его привезли в лагерь, он увидел конец света: попы в рясах, запряженные вместо лошадей в телегу, везли бочки с водой.

⁵ Здесь: тащить волоком (к месту погрузки)

Деду в лагере здорово повезло. Поначалу его назначили подрывником: его опускали с обрыва на веревке, он закладывал взрывчатку и поджигал бикфордов шнур. После чего его быстро вытаскивали наверх. Точнее, должны были вытаскивать. Дед сразу понял, что долго так не протянет. Тут пригодилось его умение чинить сапоги, и он стал сапожником. Скоро выяснилось, что и это занятие в лагере небезопасно: заходил блатной, бросал деду пару сапог и говорил: «Будешь чинить два дня». Не сделаешь, как сказали – накажут ээки, сделаешь – накажет начальство.

Выручила Ленинградская ветеринарная академия. Её профессорско-преподавательский состав тоже прислали на Беломорканал на перевоспитание. Профессора как-то обратили внимание на деревенского Филю, который умело управлялся с лошадьми, и взяли его в помощники. После того, как Беломорканал был построен, деда отпустили домой. На свободу он вышел высококвалифицированным ветеринаром, которым он проработал всю жизнь. Правда, пришлось сдать экзамены экстерном. «Шестнадцать дисциплин, - любил хвастаться дед, - шестнадцать! Все сдал на хорошо и отлично!» Даже латыни учили его добросовестные профессора. «Вот, Славка, как будет по латыни «вода»? – спрашивал он.

- Аква.

- Верно. А что значит «Nota bene»?

- Обрати внимание.

- Молодец, латынь знаешь.

- Так ты же сто раз это спрашивал.

- Ничего, *usus magister ist optimus*⁶.

На этом экзамен по латыни заканчивался.

От съеденного сала и жары Славку сморило. Он лёг на разостланной в тени плащ-палатке и закрыл глаза. Сквозь дрему он продолжал слышать гнусавый голос Линькова: - А что Генка – так все в старлеях⁷ ходит? Ему ж главное – на охоту ходить и рыбу ловить. Ответы почти не слышны.

-А Катька его – ну, толста! Что бочонок! Как Генка с ней управляется? Её и не обхватишь!

Через траву Славка посмотрел на догорающий костёр. Над ним качался воздух. Так он, должно быть, качается в знойной саванне, где пасутся гну, газели Томпсона, антилопы Ньяла, зебры, а совсем рядом лежат или даже ходят между ними вялые львицы. И ни одно копытное животное и не думает даже отбежать в сторону, чтобы обезопасить себя от хищников. Они продолжают жевать траву под надзором ленивых львиных глаз. И уж говорить не приходится о том, чтобы они направили свои острые рога на наглых хищниц и хотя бы попытались их отогнать.

Вот дед и Бычков – две старые газели, сидят себе смирно, жуют и слушают гнусавого Линькова, который посадил их на 10 лет ни за что, ни про что. И боятся, как бы снова не посадил: потому как – кто его знает? Вот дед как рюмку водки за ужином выпьет,

⁶ Опыт – лучший учитель (лат.)

⁷ Старший лейтенант

так обязательно скажет: «Крепка советская власть!», хотя его из посторонних никто не слышит.

Наверное, законы дикой природы действуют и для человека. Брем пишет, что охота днём для льва всегда является исключением из общего правила. Копытные достаточно быстры, чтобы спастись ото льва бегством. Поэтому обыкновенно лев ожидает сумерек и только с наступлением их выходит на охоту.

Деда арестовывали тоже ночью. Бабушку с тремя детьми выгнали на мороз. Имущество конфисковали, из дома сделали районное отделение милиции.

Линькову, правда, гораздо легче, чем льву. Его добыча никуда не денется, и он – сытый и довольный – лениво играет с ней, как кошка с полуживой мышью.

Славка стал вспоминать, что он читал у Брема. Брем много пишет о знаменитом охотнике и натуралисте по имени Фредерик Селус, для которого не было ни одного животного в Африке, которого бы он не любил и не убил. Как в песне «У попа была собака, он её любил, она съела кусок мяса, он её убил». Вот этот Селус рассказывал, что – как там в «Жизни животных»? Славка помнил этот кусок наизусть. Собственно, как и многие другие. «Лев нападает на животных весьма различно. Я видел лошадь, молодого слона и двух антилоп, умерщвлённых укусом в горло, но, с другой стороны, я видел лошадь и несколько зебров убитых укусами в затылок. Я предполагаю, что с буйволами он справляется иногда путём вывиха шейных позвонков; для этого он вспрыгивает животному на плечо, хватает морду лапою и производит крутой поворот затылка. Я видал и убивал массу буйволов, которые благополучно спасались от его когтей, но у которых были страшно закусаны плечи и затылок».

Внезапно Славку разобрала злость: спасаются же буйволы ото львов, даже раненые! Ещё и обороняться умеют!

А что, если сейчас встать, схватить линьковскую морду лапою и произвести крутой поворот затылка? Не, лучше взять косу и – как бы случайно – вот, споткнулся о кочку – пяточку не прижал - чикнуть Линькова по горлу? Да и делу конец. Малолетнему много не дадут. Вот Хадя⁸ – самый козырный на Боссе⁹ – застрелил в посадке¹⁰ чувака из берданки, через пару лет вышел из колонии, сейчас король.

Королем Славке становиться не обязательно. Может, и срок не дадут, все же несчастный случай...

Возвращались вечером. Славка лежал на копне сена, привязанной веревкой к телеге, и смотрел на удаляющийся лес, за который заходило красное солнце. Лес казался ему могучим, заповедным и похожим на те леса, про которые он читал у Арсеньева, Бианки и Фенимора Купера.

Впрочем, живности в нем осталось с гулькин нос. Приходилось довольствоваться книгами и рассказами старожилов: вот мать рассказывала, как в детстве в малиннике она с подругами набрела на медведя; или бабушка вспоминала волка, который после войны

⁸ Блатная кличка

⁹ Район на окраине Донецка

¹⁰ Искусственный лес (диалект.)

подошёл прямо к бане; или дед по просьбе Славки в сотый раз пересказывал, как зимой волки гнались за его санями, когда он возвращался с работы из дальней деревни, и хорошо, что конь был молодой и резвый...

Славка с досадой думал о родных брянских лесах, где ни медведя, ни лося, ни бобра, и даже рябчика уже не встретишь. К своему сожалению, он должен был признаться, что немалую роль в этом опустошении сыграл кумир всего его детства – дядя Геня.

Дядю Геню (именно так в семье произносили его имя) Славка боготворил. Дядя Геня был на все руки мастер. Он мог починить все: радиоприёмник, мотоцикл, часы как стенные, так и наручные, швейную машинку. Построить баню и пристройку, наладить орошение на огороде при помощи ручного насоса, который качал воду из колодца (вернее, качал Славка: считалось, что это для него была хорошая зарядка). Из механической картофелечистки (которая все равно не годилась, так как требовала картофелин одинакового размера – такие в этих краях не росли) сделать отличную маслобойку.

И все дядя Геня делал ладно, аккуратно. На его самодельные снасти – донки, жерлицы¹¹, удочки – было любо-дорого посмотреть. Приятно было наблюдать и за тем, как он готовился к охоте: как аптекарь, приготавливающий лекарства, он мерным стаканчиком, сделанным из пустого патрона, отмерял нужное количество пороха и дробы и набивал патроны. Порох у него был дымный и бездымный, дробь разного размера – на определенную птицу и зверя.

Когда он выходил утром к мотоциклу, чтобы ехать на охоту, Славка не мог смотреть без восхищения: все было на стройном и подтянутом дяде Гене пригнано и аккуратно: одежда – пусть сильно ношенная, но починенная, патронташ, тоже старенький и местами тщательно заштопанный, ремень с охотничьим ножом, вычищенное до блеска немецкое ружьё 12-го калибра «Зауэр три кольца».

Если Славка засыпал до возвращения дяди с охоты, его обязательно – по его же требованию – будили, чтобы посмотреть на трофеи: чирков, крякв, бекасов или тетеревов. Славка долго их рассматривал. Вместе с другими он восклицал: «Ух ты!», но в душе ему было жалко птиц, особенно изящных и хрупких длинноклювых вальдшнепов и краснобровых косачей...

На следующий день – воскресенье – на покосы не поехали: руководство колхоза проводило важное мероприятие – открытие памятника в память о расстрелянных немцами жителей соседней деревни Буда.

Рассказывали, что расстреляли 80 человек и свалили в одну большую могилу. Славку председатель сельсовета попросил быть на мероприятии фотографом, чтобы потом можно было сделать стенд с фотографиями.

Славка оделся красиво: поверх цветастой рубашки он надел сшитый по индивидуальному заказу (матерью) черный вельветовый жилет на молнии с длинными

¹¹ Приспособления для рыбной ловли

полами и большими накладными карманами на боках. Осмотрев себя в зеркале, Славка остался очень доволен: он выглядел прямо как участник польского ВИА «Скальды»¹²».

Дед тоже был одет в праздничное: на нем были выходные галифе, гимнастерка, перевязанная ремнём, и хромовые сапоги. «Скальды бы сразу в плен сдались», - подумал Славка.

Народ собрался на будянском кладбище. Пришли родичи расстрелянных и много людей из соседних деревень. Вначале было торжественное открытие памятника – пирамидки с красной звездой: выступили партийные и колхозные руководители, говорили, как обычно, о партизанах и их командирах (тут обязательно упоминался Линьков), об эсэсовцах-карателях и героических будянцах. Бабы вытирали платками слезы. Под конец торжественной части выпустили очевидца - сухенького мужичка, чтобы он рассказал, как дело было. Мужичок сильно заикался, и никак не мог начать свой рассказ. «Н-н-н, - только и выдавливал он из себя. – Н-н-н...» «Да давай, Коля, рожай уже, пора и помянуть!» - раздавались нетерпеливые голоса. Коля махнул рукой – то ли на односельчан, то ли на своё упрямое «Н» - и решил начать как-нибудь по-иному. «К-к-к», - произнес он, но дальше дело никак не сдвинулось. «Не, Коля, не выходит, давай уже не начинай, давай заканчивай, - выкрикнули из толпы. Коля перевел дух. «Н-н-н», - решил он вернуться к первоначальному варианту. Кто-то из односельчан застонал. «Н-н-настрал к-к-кто-то на немецкое кладбище, - прорвало вдруг Колю. – Оно рядом с нашим было, несколько могил с крестами с касками. Ну, и немцы собрали всех, кто жил рядом с кладбищем, и расстреляли».

Настала мертвая тишина. Все, конечно, знали эту историю, но чтобы так своими словами при начальстве... Дальше Коля говорил почти без запинки: про то, как по нему не попали немцы, и он упал в яму, а сверху попадали на него мертвые люди. Как он лежал в яме до вечера и только с темнотой выполз наружу. Его, однако, уже не слушали: все повернулись к начальству, которое угрюмо смотрело на Колю.

Накалившуюся атмосферу разрядили бабы, которые под конец Колиного рассказа завыли.

Все это Славка старательно фотографировал на отцовский «Зоркий» с выдвигаемым объективом, предварительно выставив по экспонометру выдержку и диафрагму.

После торжественной части люди разошлись по могилам родичей и расставили принесенную еду и выпивку. Каждый приглашал деда к своей могиле: его знали и уважали все, так как будучи ветеринаром, он обслуживал 13 деревень, входивших в колхоз «Заветы Ильича».

Угощали и Славку и просили и их сфотографировать. Дед со Славкой подсаживались то к одной, то другой компании, выпивали, закусывали и разговаривали. «Вот здесь самогонку не пей, - только и успевал предупреждать дед, - её из сахара гонят, пей только хлебную».

Но и хлебной вполне хватило.

Три километра, которые нужно было пройти обратно по дороге через ржаное поле, преодолевались гораздо медленнее, чем утром. Первым в поле упал Славка. Дед

¹² Польский вокально-инструментальный ансамбль «Skaldowie»

остановился, посмотрел на упавшего внука и тоже лёг. Славка перевернулся на спину и стал рассматривать нависшие над его лицом васильки.

Отдохнув, они продолжили путь, но чем ближе подходили к дому, тем чаще дед останавливался – чтобы перевести дыхание, опершись на чью-нибудь горожу¹³ или поговорить с тем, кого встречал на пути.

Увидев Славку, который рукавом цветастой рубашки пытался счистить налипшую глину с жилета участника ВИА «Скальды», мать и бабушка все поняли и без лишних слов отправили его на сеновал. Славка покорно побрел к сараю, слыша за спиной гневные крики, обращённые к деду.

Когда Славка проснулся, уже вечерело. Сено было мягкое и душистое. Через открытую дверь сарая была видна старая липа. На ветке – всего в паре метров – сидела иволга. «Ничего себе, - подумал Славка, - вот это удача – так близко увидеть иволгу. Не зря все-таки хлебную пил».

От бани под горкой потянуло дымком и послышался дедов ворчливый голос: «Тыщ твою мать! Разорались бабы: споил малого, споил малого! Тыщ твою мать!»

Алёшка

«Наиболее распространён карась обыкновенный (*Carassius Carassius*); весьма близок к нему серебряный карась (*Carassius Gibelio*)... Красивая окраска тела прославилась один из видов карасей, который называется золотой рыбкой (*Carassius Auratus*), длиной 25-30, даже 40 см. Рыба эта очень обыкновенная в водах Японии и Китая, ярко-красного цвета с золотистым отливом».

«Вполне возможно, что именно такие золотые караси водились когда-то в бучиле», - подумал Алёшка.

Он открыл книгу на следующей закладке и прочитал:

«Вьюны (*misgurnus*). Тело их очень длинное, почти змеевидное, покрыто слизистой кожей с очень мелкими чешуйками; небольшой рот окружён усиками и сосательными бородавочками...

При нужде... могут дышать своими жабрами и на воздухе. Вьюн, заглатывая воздух, издаёт тихий писк – за это его зовут «пискуном». Если вода высохнет, то он может, зарывшись в ил, в таком состоянии пробыть несколько месяцев. Летом свиньи, которые пасутся на болотах, часто выкапывают таких вьюнов и поедают их».

Алёшка горестно вздохнул. Этих рыб в бучиле больше не водилось. Когда то давно, ещё когда был колхоз «Заветы Ильича», руководству зачем-то понадобилось соединить бучило с соседним озером. Озерные щуки и окуни тут же набросились на золотых карасей и вьюнов и сожрали их. Из старожилов остались жирики и сепельдявки. Исчезли также кувшинки и лилии.

«Уникальная экосистема погибла за несколько месяцев», - подумал Алёшка. Он захлопнул книгу и поднял голову. Черным стеклянным глазом на него косилась рогатая голова оленя, убитого где-то в предгорьях Алтая. Рядом с ней высывалась из стены

¹³ Ограда, забор (диалект.)

оскаленная пасть волка. Дядя Геня, о котором Алешке рассказывал отец, застрелил его недалёко от деревни и, когда отрезал ему голову, поранил руку о волчий зуб. После чего ему пришлось делать большое количество уколов в живот от бешенства.

Дядя Геня был великий охотник и умелец. Помимо голов млекопитающих, в комнате на полочках, этажерках и подоконниках были расставлены пернатые трофеи: тетерев, сова, коршун и даже чибис.

«Чибисы здесь тоже исчезли вместе с водно-болотистыми угодьями», - вновь употребил ученые слова Алёшка и вспомнил, как отец рассказывал о том, как в колхозе, выполняя решения партии, осушали болото и вместо него сажали кузику¹⁴. «Вот можно сказать, что кузика съела чибисов».

Впрочем, кузика так и не прижилась.

«Лёш, хватит тебе читать – глаза портить, - слышался из кухни голос отца, - поехал бы на велике покатайся, чего сидеть сиднем».

«Не сидеть сиднем, а лежать лёжнем», - мысленно возразил Алёшка и встал с дивана.

День был жаркий, и Алёшка решил съездить искупаться в лесном озере. Проселочная дорога была сухой, и ехать было легко. Алёшка успевал по ходу рассмотреть щеглов на проводах и овсянок в придорожных кустах.

«Что на них смотреть, на этих овсянок, - усмехнулся Алёшка, - это ж овсянки обыкновенные, их здесь как грязи. Пусть на них вон тот сорокопут смотрит». Но сорокопут сидел неподвижно на проводе и даже не поворачивал голову в сторону овсянок. Возможно, он уже переваривал одну из них.

В первой перед лесом деревне, которая называлась 1-я Болотня, ещё оставалось два дома с людьми. В одном жила старушка, второй купили люди из Брянска и приезжали сюда, как на дачу. Все остальные дома были брошены, некоторые были уже с проваленными крышами и утопали в буйно разросшемся малиннике. В лес по малину можно было уже не ходить, стоило только в один из садов сходить набрать, сколько хочешь.

Но Алёшка в 1-й Болотне никогда не задерживался: эта деревня, брошенная людьми, напоминала ему сны, в которых он ходит по улицам и не может найти ни одного человека, и ему страшно.

И совсем не по себе становилось Алешке от блестящего новенького телефона-автомата, установленного при въезде. Такая же красивая будка стояла и во 2-й Болотне, в которой уже никто не жил. Алешку подмывало позвонить с этого телефона какому-нибудь начальству и сказать, что здесь никого больше нет и список Болотень можно сократить.

Озеро было небольшое и прозрачное. Перед ним был луг, за озером сразу продолжался лес. Алёшка скинул с себя всю одежду и вбежал в воду. Зеленые водоросли покрывали дно, над которым были хорошо видны рыбы стайки. Удивительно, но в отличие от остальных местных водоемов, это озеро никогда не цвело и казалось Алешке огромным аквариумом.

Греться на солнце Алёшка любил на большом камне, который каким-то образом оказался на берегу. Алешкина тетка говорила, что земля здесь выталкивает камни из себя

¹⁴ Кузика – кормовая свёкла

наружу. Сам же Алёшка считал, что это кусок метеорита, который свалился с неба в незапамятные времена. В любом случае, камней такой величины в округе больше не было.

Обогревшись, Алёшка засобирался уже обратно, когда услышал шум мотора. Вернее, двух моторов: оставляя за собой шлейф густой пыли, к озеру подъехали два одинаковых джипа «Патриот».

Алёшка знал, кто выйдет из машин: братья-близнецы Линьковы, которых все звали сокращённо Линьки.

Резко затормозив у самой кромки воды, Линьки одновременно открыли дверцы и одновременно вышли. Отличить их друг от друга было невозможно. Одинакового роста, одинакового – тяжелого – телосложения, с одинаковыми черными курчавыми чубами, закрывающими низкие лбы, Линьки и одеты были одинаково – в пятнистую камуфляжную форму и берцы.

Алёшка почувал недоброе, когда Линьки решительно зашагали по направлению к камню.

«Эй, малый, - крикнул один из них, - ты чего тут делаешь?»

«Ничего, - сказал Алёшка, на всякий случай забираясь повыше, - купаюсь».

«Так, значит, чтоб больше тебя здесь не было, - продолжал Линек, - это озеро теперь частное, мы его зарыбливать будем. Понял?»

«А документы у вас есть?» - спросил Алёшка и сразу пожалел, что спросил, потому что в ответ кричать стали уже оба Линька.

Разобрать все, что они кричали, было трудно, но главную их мысль Алёшка понял: что если он, блядь, больно умный на хуй, и если он, блядь, будет много пиздеть, то они у него лисапет заберут и жопу надерут. Блядь на хуй...

Отъезжая от озера, Алёшка успел услышать: «Вот тут-то вот беседку поставим со столиком»...

Он мрачно крутил педали, не оглядываясь больше по сторонам. С Линьками шутки плохи, говорят, они вообще – местные олигархи, или как говорит соседка Светка – аллигаторы.

Вот если бы сейчас вышли из лесу дикие кабаны и напали бы на Линьков прежде, чем они успеют вытащить карабины из своих «Патритов»! Брем пишет, что нападая на человека, вепрь с невероятной скоростью настигает его и клыками наносит сильные и опасные удары. Линькам придется броситься на землю, так как в драке кабан может наносить удары только вверх, а не вниз. Но тогда найдётся веприца, которая ещё опаснее кабана, так как останавливается над предметом своей ярости, топчет его ногами и кусает, отрывая целые куски мяса.

«Кусает, отрывая целые куски мяса», - с удовольствием повторил Алёшка.

Учинив эту кровавую расправу над Линьками, Алёшка успокоился и вернулся к любимому занятию – рассматриванию окрестностей.

Переезжая через речку, он обратил внимание на следы жизнедеятельности бобров – поваленные ракиты, кроны которых свисали над самой водой. Раньше бобров вообще здесь не было, а сейчас развелись в больших количествах. Как это охотники просмотрели? Хотя работа уже ведётся, и Алёшка знал одного мужика в райцентре, который съел 20 бобров. Тут он снова вспомнил Линьков и фотографию, на которую набрел в

Одноклассниках: на ней Линьки стояли с ружьями в маскировочных костюмах, а перед ними целая поляна была укрыта тушками убитых зайцев.

«Ну, ничего, - успокаивал себя Алёшка, - авось зайцы быстрее размножаются, чем Линьки, и ещё победят. А, может, у нас сделают такой же заповедник, как «Брянский лес», и охота будет запрещена, восстановится популяция медведей, лосей, кабанов, биологи будут устанавливать фотоловушки, чтобы фотографировать животных и вести их учёт»...

Алёшка представил себе, как станет биологом и будет жить в сибирской тайге, изучая поведение и повадки диких животных. То есть он будет специалистом в области этологии. Жить он будет в избушке, где будет все необходимое: компьютер с мобильным интернетом, рация, фоторужье, фотоловушки, голландская печь, охотничье ружьё – на случай, если закончится провизия. Также будут рыболовецкие снасти, надувная резиновая лодка, с мотором, конечно, всякий хозяйственный инвентарь. Что ещё? Да, изба будет стоять не в гуще леса, а на лугу, с которого можно будет взлетать на паралёте для ведения наблюдений с воздуха в хорошую погоду. Паралёт – аппарат довольно надёжный, может неплохо летать и с выключенным мотором.

На землю размечтавшегося Алёшку вернул голос отца.

- Лёш, ты новость слышал?

- Какую ещё новость? - проворчал недовольно Алёшка, который был вынужден прервать аэронаблюдения.

- Бучило будут опять отгораживать от озера.

- Как это?

- Ну, землю насыпать будут, перешеек сделают, как раньше было.

- Зачем – карасей будут разводить?

- Да нет, в бучиле, говорят в войну немецкий танк утонул, вот хотят вытащить. Думают, можно продать его дорого. А отгораживают для того, чтобы воду можно было выкачать.

- А кто искать будет?

- Да у кого деньги есть – тот и будет. Это ж техника нужна...А ты чего так побледнел?

- Ничего, душно просто.

Алёшка выбежал в сад. Ему и вправду стало душно.

Наутро Алёшка первым делом устремился к бучилу. Работы по восстановлению перешейка шли уже полным ходом: туда-сюда ездил бульдозер, нагребавший землю между озером и бучилом. Руководили процессом, по-видимому, Линьки, стоявшие на обочине у своих «Патриотов». «А белый лебедь на пруду качает павшую звезду», - пел «Лесоповал» из окон одного из внедорожников.

Линьки стояли неподвижно, вперив взоры в воды бучила. Лица их были серьёзны и одухотворены: казалось, они уже видят тщетно пытающийся спрятаться немецко-фашистский танк и деньги, которые они за него получают.

Через два дня перешеек был построен, два водоема были разделены. Машина, пригнанная Линьками, принялась перекачивать воду из бучила в озеро. Дело шло споро. Линьки внимательно наблюдали за работой, время от времени отхлебывая из фляжки и угощаясь закусью, разложенной на капоте. На берегу толпились сбежавшиеся со всей округи люди с ведрами, тазами, мешками и целлофановыми кульками. Вскоре бучило обмелело настолько, что рыб можно было хватать руками. Люди кинулись в кишашую

живностью гигантскую лужу, образовавшуюся на месте бучила. Стоя по колена в воде, они вылавливали рыб и бросали в принесённые ёмкости. Алёшка в воду не полез, но наблюдал за происходящим с таким же интересом, как и Линьки. Ничего неожиданного он не увидел: был обычный набор карпов, линей, плотвы и окуней. Поражало само количество рыб, прыгающих и извивающихся в грязном месиве. Некоторые особи удивляли своим размером, особенно лини. По-видимому, им здесь жилось очень хорошо.

Алёшка, однако, не любил линей и никогда не брал их на рыбалке.

Рыбу расхватали быстро, оставив в грязи только сепельдявок. Люди уходили домой довольные. Только лица Линьков выражали большое неудовольствие: становилось ясно, что окончательно бучило сдаваться не собирается. Сколько бы руководимые Линьками работники ни откачивали воду, дно бучила не обнажалось: насос не поспевал за родниками. Линьки стали кому-то звонить по мобиле.

Народ почти разошёлся, остались несколько алкашей и дети. Продолжал наблюдение с командной высоты – сельсоветской горки (так назывался холм над бучилом, на котором когда-то стоял сельсовет) и Алёшка...

Прошло около часа.

Насос продолжал качать. С дороги послышался нарастающий грохот: к бучилу ехал гусеничный бульдозер. Очевидно, Линьки решили убрать верхний слой ила.

Бульдозер утонул почти мгновенно. Не успев въехать в бучило, он сразу же увяз в грязи и погружался в неё до тех пор, пока из виду полностью не исчезли гусеницы. Водитель дал задний ход, но было уже поздно. Когда вода подобралась к кабине, мотор заглох.

На этом погружение прекратилось. Линьки поначалу кричали на водителя, который только пожимал плечами, потом стали ругаться друг с другом.

Беда, как известно, не приходит одна. В этот критический момент работающий на пределе насос не придумал ничего лучшего, как перестать работать. Бучило стало быстро наполняться водой и поглощать бульдозер.

«Когда-нибудь, через много лет, люди будут искать в бучиле бульдозер, который к тому времени станет музейной ценностью и будет стоить много денег», - подумал Алёшка и направился домой.

Придя на бучило на следующее утро, Алёшка увидел, что искать бульдозер через сто лет будет несложно: из воды торчал верх кабины и труба. На берегу никого не было. Насос тоже увезли, возможно, на починку.

Вздыхнув с облегчением, Алёшка было направился домой, когда увидел празднично одетых людей, идущих к недавно построенной церкви. Среди них была и соседка Светка, которую Алёшка спросил, что сегодня за праздник.

«Та не, не праздник, это крестный ход как бы», - не совсем уверенно ответила Светка.

- А куда ходить надо?

- Та не ходить, повезут на автобусе в березник, там администрация и батюшка будут камень святить.

- Какой камень?

- Та камень какой-то нашли огромный и перевезли в березник, там его святить будут.

- А зачем?

- Не знаю, зачем. Сам поезжай, там и узнаешь. Давай быстрее, а то автобус уйдёт.

- Та не, я на велике.

Камень Алёшка узнал издалека. Вокруг него толпились люди и время от времени крестились. Внутри круга стояли представители районной и сельской администрации и батюшка, который маленьким веником окроплял Алёшкин камень с прикрепленной уже табличкой. Батюшка что-то однозвучно гнусавил. Разобрать можно было только фамилию известного всем в деревне человека и слова о великой победе и героической гибели.

Алёшка протиснулся сквозь толпу и, поднявшись на цыпочки, постарался разглядеть табличку. Золотыми буквами на ней было написано: «В память о деревне Красный Боевик, в которой родился и жил Герой Советского Союза»... Больше Алёшка разглядеть из-за голов собравшихся не смог. Но и так было все понятно.

«Да, теперь на нем не позагораешь», - недовольно думал Алёшка и сразу же устыдился своих мыслей, которыми он, пусть и нехотя, но как бы замарал Великую Победу.

Алёшка решил об этом больше не думать. Но все же успел задаться вопросом, в честь чего все-таки возложен камень: деревни, в которой родился и рос человек, или человека? Было непонятно.

Не прошло и недели, как поисковые работы на бучиле возобновились. На этот раз люди приехали более серьезные, из самого Брянска. Утро было хмурым и ветреным, но народу на берегу и дороге собралось порядочно: день был воскресный. Серьезных людей из Брянска было двое. Они стояли на обочине, опершись на Гелендваген, и наблюдали за работой машины, откачивавшей воду. Линьки держались чуть поодаль рядом со своими Патриотами. Они стояли неподвижно, вперившись злыми глазами в шланг, погруженный в бучило, и только их густые чёрные чубы покачивались на ветру.

Линьки понимали, что их карта бита. Помимо насоса и трактора «Белорусь», брянцы привезли водолаза. В нем все сразу признали Витьку Червяка из райцентра, который в армии служил подводником. Он должен был обследовать лужи, из которых воду откачать было невозможно.

Снаряжение и скафандр, который были выданы Червяку, были больше похожи на музейный экспонат, не уступавший по возрасту искомому танку. Такие Алёшка видел только в старом советском фильме «Человек-амфибия» в сцене поимки Ихтиандра. В тяжеловесном железном скафандре с маленьким окошком Червяк выглядел как злой пришелец с примитивной планеты.

Полного погружения Червяк добиться не смог: на поверхности постоянно торчала то его задняя часть, то скафандр. Но судя по времени, которое он уделял обследованию каждой лужи, работал он добросовестно. Народу же надоело смотреть на Витькин зад, и он начал расходиться.

Как раз в этот момент Червяк вынырнул из лужи и замахал руками. «Трос, трос давай!» – закричали брянцы. Помощники стали разматывать трос, прикрепленный к трактору с крюком на конце. Трос подволокли к Червяку, который вновь погрузился в воду, чтобы подцепить крюком находку.

Через несколько секунд Червяк подал знак, что можно тянуть. Беларусь потянул. По тросу было понятно, что что-то таки тащится. Все замерли в ожидании.

Однако предмет, вытащенный на берег, особого восторга не вызвал. находка оказалась круглой железной толстой крышкой диаметром около полуметра с ручкой посередине, за которую Червяк и подцепил трос. На танковый люк крышка совсем не походила. Закрывать она могла все, что угодно, кроме танка. Лица Линьков засветились нескрываемым злорадством.

Помощники очистили крышку от ила. «Немецкая!» – крикнул один из них, тыкая пальцем в иностранные буквы. «Ну-ка, чё там написано?» - брянцы отстранили сгрудившихся у крышки людей, сели над ней на корточки и стали внимательно рассматривать буквы.

«Танк тут точно не написано», - раздался чей-то голос. Сказавшего это человека один из брянцев сразу назвал дегенератом, потому как танк по-немецки вовсе не танк, а панцер. На этом знание немецкого языка, однако, заканчивалось. Благо, за переводчиком далеко идти не пришлось. Мимо по дороге шёл Филиппыч – Алешкин дед, который подростком жил в деревне в оккупацию. Он обычно прогуливался в это время, опираясь на две тонкие палки, похожие на лыжные. Он так ходил уже много лет подряд – от дома вдоль бучила, потом вдоль озера и обратно. Поначалу вид его был односельчанам в диковинку, но с годами превратился в привычную черту местного пейзажа.

«Feldküche, - прочитал Филиппыч и перевел, - «полевая кухня». И тут же вспомнил, что действительно, когда немецкие части шли через деревню, какая-то повозка с лошадьми (лошади были ломовые, очень хорошие), съехала в кювет, застряла в бучиле, и немцы её бросили. Возможно, это и была вот эта полевая кухня, а так шут его знает...

С ненавистью смотрели брянцы на старожилу. Казалось, что они готовы прихлопнуть ни в чем неповинного дедушку этой самой злополучной крышкой. Не дослушав воспоминания о двухлетней немецкой оккупации, они забросили крышку в багажник Гелендвагена и дав отмашку кончать работы, удалились с большим нарушением скоростного режима в направлении шоссе Смоленск – Брянск.

Продолживший свой путь Филиппыч отошёл на обочину – от греха подальше – чтобы пропустить немецкую машину. «Хороша техника», - подумал он и уже было собрался возвращаться на дорогу, как мимо пронеслись два «Патриота».

«Тыщ твою мать, - с усмешкой вспомнил Филиппыч единственное ругательство своего отца, - и зачем было вешать знак «40 км», когда здесь ездят со скоростью 140? Ещё одно расхождение между словом и делом.

Хотя им плевать. Кто был ничем – тот станет всем. Уже давно стал и всегда будет. А мы их боимся и жмёмся на обочине».

Филиппыч вздохнул и вспомнил отца, который после лагерей так никогда и не избавился от страха. «Тыщ твою мать, начто вы яблонку¹⁵ посадили? Зачем? Теперь у нас больше будет, чем у соседей!» И когда приезжало начальство из района и стояло в белых тулупах, куря папиросы, на сельсоветской горке, Филя спешил к нему мелкими шажками, чтобы пригласить в дом и угостить.

Линьков то и дело плевал прямо на пол и растирал плевки сапогом. А отец все подливал и покрикивал на мать, чтоб та была порасторопней.

¹⁵ Яблонька (диалект.)

«Но все это прекратилось самым неожиданным образом. Я только привёз в деревню мою Леду после нашей свадьбы, и она увидела этих людей и Линькова, плюющего на пол и растирающего плевки сапогом. И она их выгнала. И сказала Линькову плевать в своей собственной хате, если ему это нравится. И они ушли и больше не приходили. А отец так ругался, так кричал. Боялся. Но они больше не приходили. Время было уже другое.

Хотя нет, время здесь всегда одно и то же. И они никуда не уходили. Почему мне кажется, что я помню, как они пришли к нам в дом на хуторе? Мне было всего 3 с половиной, Гене полтора, Вечику¹⁶ шесть. Может, Вечик мне рассказывал? Но я хорошо помню громкий стук в дверь, мат и 8 пар сапог. Бледные лица родителей в свете керосиновой лампы. Все перевернули вверх дном. Требовали отдать револьвер (как узнали?) Мать сумела вытащить его из-под матраса и выбросить в форточку в сугроб. Прямо как у Булгакова. То, что забрали, я, конечно, не помню, знаю только теперь по копии ордера и описи. Ордер выписали, особо не заморачиваясь: кем выдан – не разборчиво. Спешили очень, видать. Написали: «Независимо от результатов обыска гр. Новикова Филиппа Корееви задержать. Это, значит, Кирилловича. Задержали независимо от отчества.

Дом с сениями оценили дороже всего – 300 рублей. На втором месте была «лошадь племен» - 200. Потом шли корова, пчелы, свиньи, овцы. А 26 курей и часы настенные оценили одинаково – по 30 рублей.

Я этого добра, конечно, не помню. 8 десятин пашни, 2 луга, водяная мельница. Вот Славка спрашивал: «Что это такое – «железный ход – хура¹⁷ – 40 руб.». Высокие технологии, что ещё.

Что было бы, если бы мать – как моя Леда – тогда сказала бы им: А ну, вон отсюда пошли!» Может, они бы смутились и ушли? Да... Или если бы отец всех этих четверых из револьвера положил? Все-таки воевал в Красной Армии. Да... Одежду на нас оставили и – на улицу, на мороз, а отца забрали.

Да... Раньше они все у людей забирали, а теперь – из земли, все, что ещё осталось. Из бучила вот хотят что-то вытащить.

А что там Славка все на горке сидит? Не, не Славка, конечно, Алёшка. Сильно похожи, хоть один рыжий, другой русский. Ну, и зрение у меня не того.

А ведь все началось со слова. В начале было слово. Слово о яйце. *Ab ovo*¹⁸. Может, в шутку отец ляпнул: «В колхозе яйца выеденного не увидим»? Шутка не удалась, но как в воду смотрел. Прошли десятилетия колхозного строительства, а птицеферм или вообще не было, или были, но яиц получать не удавалось. Цыплята, как правило, массово сдыхали. Уцелевшие куры сами поедали яйца: не успеет несушка слететь с гнезда, как вторая, терпеливо ждущая этого момента, съедает яйцо. И приходилось промкооперации закупать яйца для города у частных – у населения.

¹⁶ Сокращённо от «Вячеслав»

¹⁷ Подвода

¹⁸ От яйца (лат.)

А вторая шутка на ту же тему вполне удалась, и даже 22 года после смерти отца мне пересказывал её в очередной раз нестарый житель – будто он был свидетелем!

Отец, как рассказывают, как-то пришёл в сельпо и сказал продавщице: «Вер, дай-ка мне вон тые носки!» А та его предупредила: «Кириллович, они только на яйца!» А он: «Да нет, Вер, мне на ноги!»

Ab ovo.

Филиппыч ещё раз вздохнул и повернул обратно к дому.

Алёшка проснулся в отличном расположении духа. Солнце шпарило уже вовсю, хотя ещё не было и шести. Наскоро выпив стакан парного молока, Алёшка поспешил к бучилу. Настроение было таким хорошим, что хотелось бежать вприпрыжку, как в спектакле, который поставили на английском языке в его городской спецшколе, и распевать в такт бегу: «We're off to see the wizard, the wonderful wizard of Oz!»¹⁹

Соединять бучило с озером больше не стали. Возможно, было недосуг, а потом просто забыли. Только бульдозер вытащили. Как в бучиле вновь завелись караси – на этот раз серебряные, то есть обыкновенные – непонятно. Вот ещё вьюнов, правда, не хватало.

Не раздеваясь – то есть не снимая трусов – Алёшка соскользнул с ракиты и погрузился в воду почти по шею. Водомерки зигзагами разбежались в стороны подальше от его загорелого тела. Алёшка потрогал желтые кувшинки – их здесь тоже было полно: они были упругие и гладкие, безо всяких изъянов, словно сделанные из пластмассы.

Прежде, чем замутить воду вытаскиванием верши, Алёшка всмотрелся в воду: солнечные лучи уже прорезали её под углом и высвечивали водоросли и плавающих между ними жириков. Этот свет продлится очень недолго, минут пять, не больше, и эта подводная яма, над которой нависал почти горизонтальный толстый ствол старой ракиты, опять исчезнет из вида. Алёшка набрал в себя побольше воздуха и нырнул.

Видна была только кабина. Вернее, её просматриваемый насквозь каркас почти прямоугольной формы. Крылья и нос были, вероятно, занесены многолетним слоем ила. Хвост, возможно, тоже, или же оторвался и упал в другом месте. Но и по одной кабине Алёшка мог высказать предположение, что она принадлежала истребителю «Messerschmidt Bf 109».

Алёшка подплыл поближе к пилоту. Как всегда он крепко держал в руках штурвал и – как обычно – улыбался Алёшке.

Послесловие

Года только красили основателя популярного в городе литературного альманаха – известного поэта, телеведущего, журналиста. У него была красивая седина и красивая аккуратная борода, а фигура сохраняла атлетичность.

¹⁹ Мы идём к волшебнику, чудесному волшебнику страны Оз!

«Ну, что тебе сказать, - задумчиво произнёс он, подливая коньяк в рюмки. – Рассказец. Типичный постмодернизм. Ну, все так немножко... задроченно. Ради одной придумки – столько текста... Короче, Лёш, давай лучше выпьем».

Алексей с готовностью выпил. Говорить ему не хотелось. А сказать он мог только одно: что он, в общем-то, никакой не писатель, потому что писатель должен иметь богатое воображение и уметь придумывать. И ему было бы стыдно признаться в том, что и этой «одной придумки» у него на самом деле не было.

Июль 2016 г.

Деревня Поконо Пайнз, Пенсильвания